

И.Л. Копылов

«Фаталист»

Новелла «Фаталист» является завершающим звеном в построении романа. В «Фаталисте» Лермонтов ставит вопрос: «Что же делать: подчиниться историческому фатуму, поставившему преграды для большой деятельности, или, несмотря ни на что, не сдаваться, пытаться бороться?»

В основе «Фаталиста» лежат три необыкновенных «случая», тесно между собой связанные.

В первом звене новеллы прямо ставится вопрос о фатуме. Убеждение Вулича в фатальной предопределенности судеб человека и, в частности, часа его смерти как будто получает доказательство в его пари: пистолет, приставленный ко лбу Вулича, дал осечку.

Второе звено еще более усугубляет фаталистические выводы. В первом случае вопреки сознательному вызову судьбе Вулич остался жив; в столкновении же с пьяным казаком Вулич нашел смерть вопреки всем ожиданиям. Роковая предопределенность человеческих судеб получает свое подтверждение.

Но Лермонтов вводит третий эпизод. Несмотря ни на какие доказательства власти рока, перед которым бессильна человеческая воля, Печорин решает вновь «испытать судьбу» и отважно бросается навстречу смертельной опасности, надеясь выиграть ставку на жизнь вопреки всей очевидности. Вместо верной гибели Печорин остается жив. «После всего этого как бы, кажется, не сделаться фаталистом? Но кто знает наверное, убежден ли он в чем, или нет?.. И как часто мы принимаем за убеждение обман чувств или промах рассудка...», – обобщает Печорин все случившееся. Лермонтов, таким образом, оставляет вопрос о существовании предопределения открытым.

Однако Печорин в отличие от Вулича в «испытании судьбы» действует иначе. Только на первый взгляд кажется, что Печорин бросается в окно к казаку-убийце очертя голову. На самом деле он совершает это предельно расчетливо, заранее все взвесив и предусмотрев множество деталей и обстоятельств. Таким образом, если можно говорить о фатализме Печорина, то как об особом, действенном фатализме.

И здесь Печорин, как духовно независимая, внутренне суверенная личность, опираясь в своих действиях прежде всего на себя, на свои чувства, разум и волю, а не на божественный «промысел», не на «небесные» предначертания вновь выступает как эпохальный герой своего времени.